

Организация внутренней жизни и социально-экономическое развитие Сурского женского монастыря в начале XX в.

Есеева О. В.

В статье комплексно подставлена история Иоанно-Богословского монастыря. Неослабевающий интерес к о. Иоанну и основанной им на родине в селе Сура Пинежского района Архангельской области женской обители требует изучения. Многочисленные исследования, посвященные святому, практически не затрагивают историю монастыря.

Анализ особенностей становления и развития Сурского монастыря вносит вклад в исследование женского монашества и монастырского строительства на Русском Севере. Возрождение обители в наши дни предполагает пристальное внимание к ее истории, влиянию на местных жителей и роли в религиозно-духовной жизни края.

Статья, написанная с привлечением большого массива архивных источников, дает характеристику социально-экономической организации монастырской жизни. Указаны обстоятельства и причины основания, представлен архитектурный ансамбль Сурского монастыря, проанализированы хозяйственная деятельность обители и обстоятельства появления подворий в Архангельске и Санкт-Петербурге и монастырского скита в Летовской роще. Затронута зачастую скрытая и остававшаяся вне внимания исследователей внутренняя жизнь монастыря. Взаимоотношения с миром показаны с акцентом на социальное служение обители.

Ключевые слова: монастырь, прот. Иоанн Кронштадтский, подворье, скит, храм, хозяйственная деятельность, внутренний уклад монастыря, церковно-приходская школа.

Отношения и деятельность: не оказывает влияния на представленный материал.

Есеева Ольга Владимировна — кафедра социальной работы и социальной безопасности, кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): eseevaolga@mail.ru

Рукопись получена 07.05.2022

Рецензия получена 17.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Для цитирования: Есеева О. В. Организация внутренней жизни и социально-экономическое развитие Сурского женского монастыря в начале XX в. *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(2):99-125. doi:10.15829/2686-973X-2022-100. EDN TFBZKH

Organization of internal life and socio-economic development of the Sursky Convent in the early 20th century

Olga V. Eseeva

The article comprehensively studied the history of the convent founded by Father John of Kronstadt in his homeland in the village of Sura, Pinezhsky district, Arkhangelsk region. The unrelenting interest in Father John requires the study and history of the Sura St. John the Theologian Convent. Numerous studies dedicated to the saint practically do not affect the history of the Sura monastery.

An analysis of the features of the formation and development of the Sura Monastery contributes to the study of female monasticism and monastic construction in the Russian North. The revival of the monastery today implies close attention to its history.

The article, written with the involvement of a large array of unpublished materials, creates a general picture of monastic life. The circumstances and reasons for the founding are indicated, the architectural ensemble of the Sura Monastery is presented. An assessment of the economic activity of the monastery is given. The circumstances of the emergence of farmsteads in Arkhangelsk and St. Petersburg and the monastery skete in Letovskaya Grove are briefly outlined. The often hidden and least explored inner life of the monastery is touched upon. Relations with the world are presented with an emphasis on the social service of the monastery.

Keywords: monastery, John of Kronstadt, courtyard, skete, temple, economic activity, interior of the monastery, church school.

Relationships and Activities: none.

Olga V. Eseeva — Department of Social Work and Social Security, PhD in History, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia.

Corresponding author: eseevaolga@mail.ru

Received: 07.05.2022

Revision Received: 17.05.2022

Accepted: 06.06.2022

For citation: Olga V. Eseeva. Organization of internal life and socio-economic development of the Sursky Convent in the early 20th century. *Russian Journal of Church History*. 2022;3(2):99-125. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2022-100. EDN TFBZKH

Интерес к истории Сурского монастыря во многом обусловлен фигурой его основателя прот. Ивана Ильича Сергиева (Кронштадтского)¹.

На сегодняшний день вышло немало трудов, посвященных изучению биографии и литературных трудов о. Иоанна. К числу наиболее известных и содержательных публикаций относятся дореволюционные издания, например, труд Н. И. Большакова “Источник живой воды”, особую ценность которому придают фотодокументы, в том числе и редкие, такие как снимки села Сура и Иоанно-Богословского монастыря. Биографический очерк А. А. Зыбина был издан еще при жизни о. Иоанна; 1915 г. без указа-

¹ Канонизирован Русской Православной Церковью за границей 19 октября (1 ноября) 1964 г.; а 8 июня 1990 г. — Русской Православной Церковью (прот. Иоанн Кронштадтский).

ния имени автора была подана работа “Столп православной церкви, всенародно чтимый пастырь и праведник”².

Священнослужители, писавшие об о. Иоанне, прежде всего обращали внимание на особенности его пастырского служения, в то время как почитатели из числа светских лиц, как правило, останавливались на ярких событиях жизни святого, не касаясь религиозно-философских вопросов. В большинстве работ упоминается о поездках о. Иоанна на родину, но более подробно они освещались на страницах местной прессы. Публикации в “Архангельских епархиальных ведомостях” содержат бесценные сведения о взаимоотношении о. Иоанна с земляками, педагогами, одноклассниками по архангельской семинарии³.

Гораздо меньше публикаций посвящено основанным им обителям, в том числе монастырю в Суре, на родине святого. Деятельность церковно-приходской школы в селе Сура, социальное служение обителей, торжественные освящения храмов и подворий и многое другое также находило отражение в “Архангельских епархиальных ведомостях”⁴. Многие статьи содержат подробное описание убранства сурских храмов, имена священнослужителей, участвовавших в освящении, цитаты из торжественных речей о. Иоанна и поздравительных телеграмм.

Большая часть привлекаемых нами документов находится в Государственном архиве Архангельской области (далее ГААО) в 310 фонде “Сурский монастырь” (1900-1921), который насчитывает 135 единиц хранения. Ни одно из дел, указанных в дореволюционных описях, не было передано в другие архивы или утрачено. Среди документов Сурского монастыря немало частных актов трудового найма как имущественного, так и личного, например, капитанов, лоцманов и команды корабля “Святой Нико-

² Большаков, Н. И. (1995). *Источник живой воды*. Репр. воспр. взд. 1910 г. СПб. с. 855; Зыбин, А. А. (1891). *Иоанн Ильич Сергиев: Протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора*. Пг., с. 178; *Столп православной церкви всенародно чтимый пастырь и праведник*. Пг., (1915).

³ Колчин, З. (1898) Посещение Архангельска протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым. *Архангельские епархиальные ведомости*, (14), 377-380; Иванов, А. (1901). Приезд о. И.И. Сергиева на родину. *Архангельские епархиальные ведомости*, (13-14), 347-354; Иванов, А. (1902). Пребывание о. Иоанна Ильича Сергиева на родине. *Архангельские епархиальные ведомости*, (12-13), 411-413; Кузнецов, Н. (1904). Пребывание о. Иоанна Сергиева на родине. *Архангельские епархиальные ведомости*, (13), 527-529; Пребывание протоиерея о. И. И. Сергиева в Архангельске (1904). *Архангельские епархиальные ведомости*, (12), 487-490; Пребывание о. Иоанна Ильича Сергиева на родине (1905). *Архангельские епархиальные ведомости*, (12), 431-443.

⁴ Освящение церкви подворья Красногорского монастыря в г. Архангельске (1908) *Архангельские епархиальные ведомости*, (20), 653-658; Освящение церкви Сурского подворья в г. Архангельске (1907) *Архангельские епархиальные ведомости*, (20), 685-699; Основание женской Иоанно-Богословской общины в Суре (1899), *Архангельские епархиальные ведомости*, (6), 153-154; П. В. С. (1903). Открытие и освящение в г. Архангельске подворья Сурского Иоанно-Богословского монастыря. *Архангельские епархиальные ведомости*, (18), 678-681; Построение и освящение церквей [о строительстве в Суре нового храма на средства о. Иоанна Кронштадтского] (1888) *Архангельские епархиальные ведомости*, (5-6), 69; Титов, В. (1912). Освящение храма в скиту Сурского Иоанно-Богословского монастыря. *Архангельские епархиальные ведомости*, (1), 3-8; Титов, В. (1905). Рождественская елка в Сурской двухклассной церковно-приходской школе. *Архангельские епархиальные ведомости*, (1), 35-37; Кулаков, А. П. (1915). Торжество освящения нового храма в Сурском Иоанно-Богословском женском монастыре, Пинежского уезда, в память 300-летнего юбилея Царствования Дома Романовых. *Архангельские епархиальные ведомости*, (15), 278-281; (17), 314-318; (18), 339-344; (19), 361-366.

лай Чудотворец”, крестьян для заготовки дров и работы на предприятиях монастыря. Внутренняя документация монастыря представлена, в первую очередь, летописью и Уставом, в который внесены поправки, сделанные о. Иоанном Кронштадтским. Большая часть документов делопроизводственные. Среди входящих документов преобладают документы распорядительного и распорядительно-рекомендательного видов (инструкции о заполнении и ведении документации, и инструкции, приказы и решения консистории). Наиболее интересной представляется переписка настоятельницы Сурского монастыря с епархиальным начальством и консисторией в 1911-1912 гг., отражающая развитие и разрешение конфликта между сестрами и игуменьей.

В статье использованы также документы 2219 фонда Российского государственного исторического архива (далее РГИА) — “Фонд о. Иоанна Кронштадтского”, где содержатся частные письма (источники личного происхождения).

Основание Сурского Иоанно-Богословского монастыря

Сурский Иоанно-Богословский монастырь стал самым молодым в Архангельской и Холмогорской епархии. Обстоятельства и причина его основания отличаются от тех, что привели к появлению других пинежских (и не только) монастырей. Так, Веркольский монастырь был основан на месте гибели праведного отрока Артемия близ деревни Верколы Пинежского уезда Архангельской губернии, основание Красногорского связано с обретением чудотворного списка с иконы Богоматери Владимирской, а затем и чудотворного образа Богоматери Грузинской. Подобного повода к основанию обители в Суре не было, но самим о. Иоанном была четко сформулирована задача “просвещения темного невежественного сурского народа, чтобы обитель была училищем благочестия посредством доброго примера трудолюбия и молитвы” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]

В Суре уже имелась двухклассная церковно-приходская школа, основанная о. Иоанном, дававшая неплохое образование крестьянским детям. Говоря о невежестве односельчан, он имел в виду неискоренённые языческие традиции и распространенный на Пинежье раскол. Сурские раскольники принадлежали к поповскому толку. Православная обитель и ее влияние должны были укрепить окрестных крестьян в вере, покончить с суевериями и остатками языческих традиций, противостоять расколу.

Женская обитель на родине святого стала третьей на Русском Севере и единственной на Пинежье. Появление женского монастыря в Суре отражает ситуацию, сложившуюся в России конце XIX — начале XX вв. и характеризующуюся увеличением числа именно женских обителей, монастырей, развернувших обширное хозяйство, и монастырей “с благотворительным уклоном”, ростом среди иночества представителей крестьянства⁵. Сурский монастырь благодаря поддержке основателя не испы-

⁵ Зырянов, П.Н. (1999). *Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX вв.* М.: ООО “ТИД “Русское слово — РС”, с. 312.

тывал материальных проблем, его капитал и имущество были значительно большими, чем у многих северных обителей (в то числе мужских).

Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. Б. Емченко связывают подъем женского монашества в XIX — XX вв. как с религиозными исканиями женщин, так и с социальными процессами. Авторы акцентируют внимание на стремлении женщин найти в монашестве способ служения миру и отмечают широкую благотворительную деятельность женских монастырей⁶. Все данные исследовательницами характеристики в полной мере соответствуют целям и характеру Сурской обители.

О. Иоанн создал женскую обитель не только в Суре: основание им именно женских монастырей обсуждали и неоднозначно оценивали ещё при жизни святого. Сурский монастырь был основан одним человеком, белым священником, и полностью им обеспечен за счет пожертвований, стекавшихся от почитателей со всех уголков страны.

Мы анализируем очень короткий исторический период, Сурский монастырь просуществовал всего около двух десятков лет, и это было время, когда набирало силу революционное движение, Россия участвовала в Русско-японской и Первой мировой войнах. А в далеком селе строился монастырь, ставший центром духовной жизни в верховье Пинежья, местом притяжения всех верующих в дни приезда на малую родину о. Иоанна и паломничества почитателей после его кончины.

Начало монастырю положило создание в Суре в октябре 1899 г. женской общины. О. Иоанн Кронштадтский обосновывал важность своего начинания так: “Опытом дознано, что иноческие обители весьма способствуют не только религиозно-нравственному просвещению местного населения, но и материальному улучшению хозяйственного быта — наглядным примером трудолюбия. Заботясь о благосостоянии родины моей, села Суры, я пришел к убеждению, что основание в нем женской общины было бы весьма полезно в упомянутых отношениях. Ежедневное Богослужение по уставу Святой Церкви, соблюдение постов, неустанное трудолюбие — все это, как живой пример, благоприятно повлияет на духовно-нравственное и сельскохозяйственное развитие населения”⁷.

14 июня 1899 г. прот. Иоанн Кронштадтский прибыл в Суру для осмотра места, отведенного под строительство монастыря, которое и благословил после краткой молитвы. Сразу же были начаты строительные работы, все расходы о. Иоанн взял на себя.

До открытия общины руководила сестрами игуменья Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря Таисия, духовная дочь и ближайшая сподвижница о. Иоанна. Ее стараниями Леушинский монастырь становится одним из самых больших женских монастырей России. Благодаря поддержке игум. Таисии были основаны или возрождены еще несколько женских обителей: Благовещенский Воронцовский монастырь в Псковской губернии (1898); Иоанновский в Санкт-Петербурге (1901); Фера-

⁶ Белякова, Е. В., Белякова, Н. А., Емченко, Е. Б. (2011). *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле, 531.

⁷ Основание Иоанно-Богословской общины в с. Суре. *Архангельские епархиальные ведомости*, 1900, (6), 153.

пунктов в Кирилловском уезде Новгородской губернии (1904); Парфеновский Богородицкий (1902) и Антониев Черноезерский монастыри (1911) в Череповецком уезде Новгородской губернии, Вауловский скит в Ярославской губернии (1903) и другие. Из Леушинского монастыря вышли две схиигумении и десять игумений, большинство из которых стали первыми настоятельницами основанных игум. Таисией монастырей. Сам о. Иоанн характеризовал ее так: “Ты подобна преподобному Сергию Радонежскому, изводишь из сестер своей обители настоятельница и учредительниц других обителей, искусных инокинь, которые по слову апостола “довольны будут и других научить” — великая тебе за это награда от Господа”⁸.

С февраля 1900 г. сестры под началом игум. Таисии проходили послушание в Леушинском монастыре. В мае, за месяц до приезда о. Иоанна, игум. Таисия прибыла в Суру с сорока насельницами. Вечером 19 июня 1900 г. о. Иоанн служил всенощное бдение в храме общины. А утром 20 июня после водосвятного молебна было совершено освящение нового храма во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и отслужена в нем первая литургия. Современники отмечали, что трехъярусный иконостас храма был тонкой художественной работы, с иконами прекрасного письма. Первоначально община помещается в деревянном просторном здании. Сестры заняли западную часть, разместились в двадцати просторных кельях, каждая из которых была рассчитана на три-четыре сестры.

Архитектурный ансамбль монастыря

Обитель быстро расстраивалась, появлялись новые корпуса и хозяйственные пристройки. В 1910 г. монастырь обнесли каменной оградой на 306 саженей, по углам которой возвышалось четыре башни. Внутри ограды находились двухэтажный (1900 г.) и трехэтажный (1901 г.) деревянные корпуса для сестер. В 1904 г. появился каменный корпус. На втором этаже располагались покои настоятельницы, а внизу — трапезная. Каменными были квасоварня, баня с прачечной наверху, а также домик для огородниц и погреб с ледником. В 1913 г. появились столярная, малярная, сапожная мастерские [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 11-12]. Позже была простроена каменная колокольня у восточной стороны ограды. 23 мая 1907 г. ее закладку совершил сам о. Иоанн. А в июле 1908 г. на новую каменную колокольню подняли колокола [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 4]. Уже после смерти о. Иоанна, 12 мая 1910 г., из Кронштадта доставили большой колокол, пожертвованный обители почитателями. 12 июня 1914 г. освятили место для постройки нового каменного корпуса [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 29], строительство которого было завершено уже в 2017 г.

В Суру приезжали верующие и почитатели о. Иоанна. Всех паломников размещали в монастырской гостинице и двухэтажном “квартирном доме”. В дни монастырских храмовых праздников число мирян увеличивалось и за счет прихожан из окрестных деревень. В 1914 г. в Сурско-Сергиевской

⁸ Игумения Таисия. Официальный сайт Ново-Леушинского Иоанно-Предтеченского женского монастыря <http://leushino.cerkov.ru/igumeniya-taisiya/>.

волости проживало 3457 человек⁹. В 1915 г. только насельниц в монастыре было более двухсот человек. Небольшая церковь уже не могла вместить всех желающих, и возникла настоятельная потребность в строительстве нового храма.

Собор заложили 13 июня 1914 г. в присутствии еп. Архангельского и Холмогорского Нафанаила, а уже год спустя торжественно освятили. Храм получил право именоваться возведенным “в честь 300-летия Царствующего дома Романовых” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 30]. Само освящение отмечалось очень широко и нашло отклик в губернской печати. Построенный в неорусском (псевдорусском) стиле, храм поражал своими размерами и пышностью внутреннего убранства и мог вместить более двух тысяч молящихся. “В общем, следует сказать, все вообще иконы, как в главном храме, так и в его приделах, довольно хорошаго письма и невольно возбуждают в душе молящегося благоговейное молитвенное настроение”¹⁰, — писал современник. Но это мнение разделяли не все. Про храм псевдорусского стиля говорили, что это огромное помпезное здание, а среди икон очень мало старинного письма. Даже современники отдавали себе отчет в том, что “более всего еще невольно умиляет вас богатство некоторых золотых и масса серебряно-позлащенных священно-богослужебных сосудов”¹¹.

Освящение главного трехпрестольного каменного храма в честь 300-летия царствования дома Романовых стало торжественным событием для насельниц и мирян. В Суру прибыл еп. Нафанаил. 11 июня был освящен придел в честь Успения Божьей Матери. В этот день в обители бедному люду раздавали хлеб и поили его квасом, все присутствующие получили на память ложки, приглашенные гости — по фарфоровой кружке с портретом о. Иоанна Кронштадтского. На следующий день был освящен придел во имя святой мученицы царицы Александры.

Монастырские подворья и скит

За короткую историю у Сурского монастыря было два подворья. Для всех удаленных, в том числе и пинежских монастырей, подворья имели не только духовное, но и огромное социально-экономическое значение. На подворьях, расположенных в городах, совершались торгово-промышленные сделки, располагались монастырские предприятия. Появление, расцвет или упадок подворий говорят не только о материальном укреплении или запустении монастырей, но и о влиянии в крае и за его пределами.

Подворье в Архангельске также было устроено на средства о. Иоанна и располагалось в центре города на углу Троицкого проспекта и Оперной улицы. К 15 сентября 1902 г. уже поставили двухэтажный деревянный домик с часовней, кельями и кабинетом. В 1903 г. при подворье начала

⁹ Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 год. (1915). Архангельск, 50-51.

¹⁰ Кулаков, А.П. (1915). Торжество освящения нового храма в Сурском Иоанно-Богословском монастыре Пинежского уезда, в память 300-летнего юбилея Царствования Дома Романовых. *Архангельские епархиальные ведомости*, (17), 316.

¹¹ Там же.

Рис. 1. Село Сура, вид с Никольского храма, справа часовня, построенная о. Иоанном над могилой отца — Ильи Михайловича и здание церковноприходской школы.

работу просфорня, продукция которой пользовалась популярностью во всех городских храмах и приносила неплохой доход.

В 1905 г. приступили к строительству каменного подворья. Освятили закладку 26 июня 1906 г., когда здание уже довели до второго этажа. На освящении церкви подворья о. Иоанн уже не смог присутствовать, но послал в дар частицы мощей двадцати девяти святых и частицы древа Креста Господня. Иконы, переданные о. Иоанном, были пожертвованы его почитателями. Современники отмечали, что они отличались великолепием, большая их часть помещалась в киотах. Часть церковной утвари тоже передал храму о. Иоанн. На первом этаже трехэтажного здания разместились подсобные службы: хлебопекарня, поварня, просфорная, трапезная. Часть помещений сдавали под квартиры и торговлю. На втором этаже был зал для приема гостей, а также располагались кельи настоятельницы и сестер. Большую часть третьего этажа занимала церковь¹².

Одним из самых знаменательных событий в истории Сурского монастыря было посещение подворья в 1913 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной [ГААО. Ф. 310. Оп.1. Д. 4. Л. 84 об.].

После революции в Архангельске был “жилищный кризис”, и местная власть в лице жилищного отдела, отдела коммунального хозяйства и даже

¹² Освящение церкви Сурского подворья в г. Архангельске (1907). *Архангельские епархиальные ведомости*, (20), 685-686.

горисполкома пыталась “уплотнить”, занять помещения подворья под квартиры. И, безусловно, хотелось закрыть храм и подворье монастыря, основанного о. Иоанном. Они имели особое значение для горожан. Кроме этого, экспроприаторы отмечали, что здание Сурского подворья было “лучшим в Архангельске как в архитектурном, так и в художественном отношении, а равно и в смысле месторасположения, размера и ценности материалов”. При храме было создано “Общество верующих”, объединявшее около 4 тыс. человек, которые “отражали нападение всех претендующих на “Сурский дворец”. Ссылаясь на Декрет о свободе совести, прихожане составили официально списки “для юридического обоснования дела” с фамилиями и адресами. Был даже создан Исполком общества во главе с о. Дмитрием Федосихиным и матерью Любовью Ковырулиной, куда входили и бывшие чиновники, служащие в Губфионотделе, Совнархозе, Губпродкоме, Беломортрансе и других советских учреждениях (“вплоть до членов коллегий”). Их характеризовали как “внушительную силу” и обвиняли в готовности “много раз с крестным ходом устроить поход против советской власти”, “ведения черносотенной агитации против большевиков и жидов”¹³.

Летом преследование членов общества приобрело характер репрессий и гонений. 4 июля 1920 г. списки членов общества передали в ЧК. Комиссия во главе с М. С. Кедровым, проведя расследование, выяснила, что лишь две монахини являются “штатными”, остальные сорок семь не приписаны к Сурскому подворью, более того, имеют паспорта еще царского времени. Около пятидесяти женщин, проживавших на подворье, направили в бюро рабсилы. После медицинского освидетельствования их распределили по учреждения “по специальности”. Кто-то оказался в детских домах и приютах в качестве технического персонала, других направили в губодежду, “живописок” — в мастерские совнархоза. Трем или четырем монашествующим и престарелым предложили отправиться в обитель. Тем, кому не нашлось работы в Архангельске, позволили выехать из города. Здание Сурского подворья передали под Дворец Труда, домовый храм стал аудиторией¹⁴. О. Дмитрий Федосихин был арестован 8 июля за контрреволюционную агитацию вместе с ним арестовали более ста человек из тех, кто активно сопротивлялся закрытию подворья.

О подворье, основанном в Санкт-Петербурге и освященном 17 декабря 1901 г., современник писал: “Едва ли можно указать хоть одну обитель, которая успела бы устроиться так быстро, как Сурская Иоанно-Богословская и ее подворье. И замечательно, прежде чем успела обстроиться сама обитель, еще до ее освящения и открытия, строилось уже подворье. Такой быстрый успех этих учреждений можно объяснить только тем обаянием, которым пользуется на Руси о. Иоанн Кронштадтский, которому принадлежит и инициатива этих построек, и непосредственное лич-

¹³ Ефременко, Л. (1920) “Иоананитки”. Или, что тоже — контр-революция. *Известия Архангельского губернского Ревкома и Архгубкома Р. К. П.*, (113 (13 июля), 2.

¹⁴ Ефременко, Л. (1920) “Иоананитки”. Или, что тоже — контр-революция. *Известия Архангельского губернского Ревкома и Архгубкома Р. К. П.*, (116 (16 июля), 2.

ное участие как материальными пожертвованиями, так и руководящими указаниями”¹⁵. Однако, петербургское подворье Сурского монастыря недолго пребывало в этом качестве. Уже 15 ноября 1902 г. о. Иоанн обратился в Санкт-Петербургскую епархию с просьбой придать подворью статус самостоятельной обители. Митр. Антоний, обращаясь в Св. Синод, привел все доводы о. Иоанна, а также согласие еп. Архангельского и Холмогорского Иоанникия на обращение подворья в самостоятельный монастырь. На положительное решение этого вопроса Св. Синоду потребовался всего месяц (с 11 декабря 1902 г. по 15 января 1903 г.).

В Сурском монастыре был и скит, основанный в Летовской монастырской роще, в 18 верстах от обители, площадью 291 десятин 1200 квадратных саженей. 10 июня 1901 г. сам прот. Иоанн Сергиев благословил место будущего скита, а 14 июня 1902 г. уже был освящен скитской храм во имя Святой Троицы. Одноэтажная одноглавая церковь имела в плане форму креста. В 1910 г. храм и корпус для сестер были истреблены пожаром. В июне того же года на месте сгоревшего заложили новый храм. Деньги на его строительство пожертвовали почитатели о. Иоанна.

В Сурском монастыре стариц не было, скитское житие нельзя характеризовать именно как старческое. Примечательно, что в скит отправили послушниц, участвовавших в бунте (о котором речь пойдет ниже). В самом документе прямо говорится, что бунтаркам предстояли “черные труды”, цель, которую они преследовали, прямо не формулировалась. Очевидно, что таким образом послушниц не только наказывали, но и воспитывали: приучали к смирению и послушанию, отправив подальше от села, от мирских соблазнов. Возможно, что бытовые условия в скиту были хуже, чем в самом монастыре, и аскетизм скитской жизни должен был наставить насельниц на путь послушания и кротости.

Хозяйственно-экономическая деятельность монастыря

Материальная, хозяйственная жизнь в обители была обеспечена о. Иоанном, хлопотавшим о передаче монастырю земельных наделов и недвижимости, использование которой давало пусть небольшой, но стабильный доход. С момента основания Сурского монастыря ему перешло имущество, бывшее в собственности общины.

Помощь в устройстве обители, особенно значимую в первые годы, оказал священник Георгий Маккавеев. На о. Георгия, очевидно, было возложено руководство строительными и другими работами по обустройству общины. Кроме подготовки дома к приему насельниц, о. Георгий занимался и вопросом приобретения земельного участка, предназначенного для строительства скита. Через Маккавеева о. Иоанн передавал помощь родным и землякам. О. Георгий неоднократно писал в Кронштадт: “А мужики-таки не дают мне покою, денег просят и просят, хотя на пуд муки, — просто горе! <...> просьбы их так авторитетны, что никак нельзя отказать” [РГИА. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 2. Л. 265 об.]

¹⁵ Сурское подворье (ныне Иоанновский монастырь в Петербурге. *Архангельские епархиальные ведомости*, 1903, (3), 96.

Сурская обитель, благодаря ходатайству ее основателя, получила во владение корабельную рощу, в основанном там скиту были расчищены земли под пашню и сенокос. У обители было еще несколько небольших земельных наделов. В первые годы доход с пахотной и огородной земли, поднятой руками сестер на песчаной и болотистой почве, был незначительным, служил лишь подспорьем для братской трапезы. Собственных сенокосных угодий не хватало, обитель покупала сено и арендовала луга [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 25 об.-26].

Довольно прибыльным было занятие животноводством. Все постройки “животноводческого комплекса” отличались добротностью. В 1904 г. построили деревянный скотный двор, рядом помещение для сестер, ухаживавших за животными. В помощь сестрам нанимались работники на условиях, которые оговаривались в контрактах, особенно на сезонные работы. Многие из них, как отмечалось в договоре, жили при своих службах, например, конюхи [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 12. Л. 18].

Кроме сельского хозяйства монастырь, занимался торговлей, перевозками и промышленным производством. Доход приносил механический завод, построенный на правом берегу реки Суры. Десятисильный паровой локомобиль с помощью ременной передачи приводил в движение лесопильную раму, кирпичноделательную машину, мукомольные поставы и дроворубку. Для поднятия леса была установлена лесотаска. Завод не пощадил пожар, и в 1908 г. его пришлось отстраивать заново. В 1908 г. обитель получила разрешение от сельского общества провести через деревню Филимоново железную дорогу. Чрезвычайно важно было упростить доставку кирпича на механический завод с арендованного участка для обжига. Местный кирпич отличался прекрасным качеством. На завод приглашались специалисты. Работы по выделке кирпича начинались не раньше мая, когда оттаивала глина [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 12. Л. 1].

“В книгах прихода и расхода” фиксировалось, сколько для строительных работ отпускалось яиц (для изготовления раствора). Производственные секреты и высокое мастерство обеспечили прочность созданного в Суре величественного архитектурного ансамбля.

Отлаженно работал и “лесной цех” завода. Заготовка леса велась в дачах Сурского и Веркольского лесничеств. Чаще всего рабочих нанимали со своими лошадьми и приспособлениями. На берегу лес укладывали в правильные штабеля, с подразделением на породы и размеры. Рабочих предупреждали, что строевой лес не должен идти на дрова. Все условия найма четко оговаривались, была прописана система наказаний, штрафов, но, видимо, работой дорожили, факты увольнений не фиксировались (что маловероятно) или их не было. Могла быть конкуренция среди крестьян, искавших приработок в зимнее время. Крестьяне в низовье Пинежья заготавливали лес, нанимаясь к местным лесозаготовителям Володиным и Кыркаловым, в верховье Пинежья лесозаготовительные работы (конечно, далеко не в том масштабе, что промышленники) вел Сурский монастырь. Очевидно, что делопроизводство в монастыре было отлично отлажено.

Монастырь владел пароходом “Святой Николай Чудотворец”, построенным на верфях Санкт-Петербурга. Буксирно-пассажирский пароход

был двухколесным, 25-сильным, имел железный корпус. Неоднократно обитель покупала и новые баржи для перевозки грузов: в 1908 г., в 1914 г. (продали в 1915 г., а на вырученные деньги в 1916-1917 гг. построили другую, более удобную) [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 24. Л. 23].

Пароход стал доходным далеко не сразу. Анализ его приходно-расходной бухгалтерии позволяет представить, как была организована вся торговля монастыря (в том числе лесом и сельскохозяйственными продуктами, реализуемыми в Архангельске), услуги по транспортировке частных грузов, сколько и когда завозили в монастырь стройматериалов. Обитель поставляла в Архангельск лес, сельскохозяйственные продукты, а завозила стройматериалы и товары для лавки. Со временем пароходом как буксиром стали пользоваться и частные лица. На пароходе был организован буфет, его деятельность оставалась убыточной, но он был необходим на пассажирском пароходе. Большая часть дохода уходила на выплату жалования команде и покупку дров.

С первого года существования монастыря в его собственность перешла лавка, построенная в 1896 г., — просторное каменное здание. Товары в лавку завозились в течение навигации из Архангельска, доставлялись монастырским пароходом “Святой Николай чудотворец”. Объем грузов с 1905 г. по 1916 г. увеличился в 4 раза [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 39. Л. 9]. Торговали различными товарами, не считая продуктов, их было более пятнадцати наименований: керосин, мануфактурные изделия и другое. Самые большие заказы поступали из монастырской церковно-приходской школы. Через лавку шли в монастырь строительные материалы (железо, краска), но глиномятка, части паровой машины поступали, минуя ее, прямо через настоятельницу [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 39. Л. 50]. В лавке могла реализовываться продукция монастырского скотного двора. С первого года, принося неплохой доход, лавка стала самым прибыльным предприятием обители.

Проанализировав хозяйственную деятельность Сурского монастыря, отметим размах, быстрый рост экономики обители, в том числе промышленных предприятий, что скорее нетипично для женского монастыря. Приходно-расходные книги позволяют изучить экономическое положение обители, работу монастырских предприятий, то, какой доход они приносили, и что делали в обители для улучшения эффективности ведения хозяйства. Использование технических новинок, наём рабочих и многое другое требовало немалых усилий и хозяйственной хватки. Особо отметим грандиозное строительство в обители, которое развернулось уже после смерти о. Иоанна и не прекращалось до самой революции (так, новый каменный сестринский корпус продолжали отделять осенью 1917 г.). Материальное благополучие монастыря строилось на помощи о. Иоанна, пожертвовавшего обители капитал, проценты с которого составляли значительную часть доходов, предпринимательских и организаторских способностях настоятельницы (иногда оборачивались прижимистостью, откровенной скупостью), тяжелом труде сестер, который порой вызывал их ропот, и (в меньшей степени) наемных работников.

В последние три-четыре года существования доход стало приносить подворье в Архангельске. Чтобы представить целостную картину хозяйственной деятельности обители, возьмем данные за 1910, 1911 и 1913 гг., в которые монастырь владел основной своей недвижимостью. Общий доход составил: 1910 г.: 30 160 рублей билетами; 171 875 рублей 60 копеек наличными [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 70. Л. 269]; 1911 г.: 28 071 рублей билетами; 169 605 рублей наличными [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 73. Л. 346]; 1913 г.: 21 843 рублей билетами; 165 005 рублей наличными [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 79. Л. 202].

Кроме дохода от лавки и завода, а позднее парохода, бюджет пополняли и проценты с капиталов, положенных на счет обители ее основателем. Так еще в 1903 г. от билетов Государственной комиссии погашения долгов вечного вклада шестипроцентного займа поступило на 20 тысяч рублей, в 1904 г. на 70 тысяч рублей, а в последующие годы еще на 50 тысяч рублей.

Доходы Сурского монастыря в 1910, 1911 и 1913 гг. (руб.)¹⁶

№	Источники дохода	1910	1911	1913
1	Кружечный и кошелевый сбор	168,07	185,63	182,55
2	От продажи свеч, икон, книг, просфор	680,06	698,95	775,25
3	От продажи хлеба, скота, проч.	179,95	927	1285,32
4	От парохода "Св. Николай Чудотворец"	701,25	150	1000
5	От торговой лавки	2335,50	2602,78	3500,90
6	За квартиру, сданную под приемный покой	–	–	205,54
7	От подворья	–	–	82
8	От паровой мельницы и лесопилки	2059,27	2089,17	2573,79
9	% с капитала	9844,66	9301,05	9113,32
10	Из государственного казначейства на служителей	437,71	596	592
11	Пожертвования в пользу монастыря	4932,10	4198,82	1941,20
12	Оборотных сумм	3192,98	968,09	360,38
13	Пожертвования и сборы в кружку	30,72	45,73	30
14	От продажи рукоделий	140	203	–
15	Случайные доходы	16,01	24,50	–
16	Пожертвования на храм	1814,10	5810	–
17	От предыдущего года	–	270,25	201,12
	Всего:	26 432,38	33 610,97	21 807,12

¹⁶ Сведения по годам: 1910 г.: ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 70. Л. 269-270; 1911 г. ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 73. Л. 346; 1913 г. ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 79. Л. 202.

Расходы Сурского монастыря в 1910, 1911, 1913 гг. (руб.)¹⁷

	Статьи расхода	1910	1911	1913
1	На покупку свечей, ладана, книг	611,25	559,28	339,58
2	На покупку масла	–	–	206,47
3	На покупку церковного вина	105,90	128	51,20
4	На ремонт ризницы и утвари	123,83	125,01	137, 26
5	На содержание и ремонт зданий	5551,49	3606	3765,05
6	На пароход “Святой Николай Чудотворец”	626	1186,71	300
7	На содержание завода	2726,19	1608,52	1933,52
8	На содержание живописных мастерских	–	–	40
9	На содержание сестер пищею, одеждою, обувью	8551,49	6839,64	8485,10
10	Почтовые, канцелярские, прогонные расходы	392,56	521,62	378,78
12	Жалование рабочим	1843,08	1740,82	1510,99
13	Ремонт скотного двора, инвентарь, фураж	3139	2972,84	3732,67
14	Отчислено на епархиальные нужды	100,22	80,55	23
15	Случайные потребности	2402,26	366,30	225,58
16	Оборотные суммы	1325,64	689,48	560,38
17	Сбор в кружки, отослано в Духовную консисторию	20,97	23,25	14,74
18	На благотворительные учреждения	34,82	22,28	15,68
19	На скитскую церковь строительство собора	1617,65	6000	–
20	На ремонт баржи	1244,21	–	–
	Всего:	30 416,45	26 470	21 697,23

По масштабу хозяйства и его размаху Сурский монастырь намного превосходил большинство монастырей на Русском Севере. Сельское хозяйство всегда играло в Сурском монастыре вспомогательную роль. Основанный в непосредственной близости от крестьянских дворов (сегодня это центр Суры), в густонаселённом уголке Пинежья, где кроме Суры раскинулись многочисленные деревеньки, монастырь даже благодаря ходатайству о. Иоанна не мог бы обзавестись обширными земельными угодьями и избежать при этом столкновений с крестьянами.

Внутренний уклад монастыря

Первыми насельницами Сурской обители стали сестры, приехавшие из Леушинского монастыря, почитательницы о. Иоанна — уроженки как центральных Новгородской, Тверской, Орловской, Ярославской и других губерний, так и северных — Архангельской, Вологодской и Олонецкой. Сурынки сначала не спешили уйти в обитель, это произойдет гораздо позже, видимо, когда авторитет нового монастыря среди местных жителей укрепитя. В обители закончат свои дни и сестра о. Иоанна Дарья Ильинична Малкина.

Насельницы, приехавшие с игум. Таисией, какое-то время провели в Леушинском монастыре. Среди них было много юных послушниц. В 1901 г. прибыли новые сестры. Среди 134 новых насельниц в возрасте

¹⁷ Сведения по годам: 1910 г.: ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д 70. Л. 269-270; 1911 г.: ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 73. Л. 347. 1913 г.: ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 79. Л. 203.

до двадцати лет было 56 человек (из них 16 девочек-подростков), с 21 до 30 лет — 62 и старше 30 — всего 16 (8 не достигших сорока лет, 7 перешагнувших этот возраст, и одна 50 лет). Средний возраст составил 22,48 лет. В 1902 г. в обитель поступили 44 новые насельницы, их средний возраст составил 22,7 лет¹⁸. Утверждение Г. П. Федотова о том, что “женские монастыри на Руси имели скорее значение институтов общественного призрения, убежищ и богаделен для вдов и не вышедших замуж девиц”¹⁹ верно и в отношении Сурского монастыря.

Постепенно ситуация будет меняться, но скорее не за счет вновь поступивших, среди них будет немало тех, кому еще не исполнилось двадцати одного года, но придут и более взрослые насельницы. Повзрослеют те, кто оказался в обители в юном возрасте. И к революции более половины сестер и послушниц — женщины старше 30 лет, более трети — старше 40 лет. С большой долей вероятности появление возрастных насельниц связано с рекомендациями, данными игум. Порфирии принять в монастырь опытных в иноческой жизни сестер.

Большинство сестер и послушниц монастыря были крестьянками, меньше — происходили из мещанских семей. Это стало еще более очевидным, когда в обитель пришли уже не единично уроженки Суры и других пинежских деревень, а всего Русского Севера. Социальный состав Сурской обители в принципе не отличается от других женских монастырей того времени. Для женского монашества “община становилась тем местом, где женщина, покинувшая свою социальную среду (в первую очередь, крестьянскую), могла выжить, получить образование и более высокий статус”²⁰.

Именно рост числа крестьянок, особенно северянок, среди насельниц Сурского монастыря, как и привлечение в обитель возрастных послушниц и сестер после событий 1912 г., изменил атмосферу в обители, позволил избежать прежних потрясений. Северянки, генетически более приспособленные к суровому климату, чем уроженки средней полосы и юга России, крестьянки, знакомые с тяжелой физической работой и познавшие лишения в своих семьях, лучше и смиреннее переносили тяготы монастырской жизни.

Внутренняя жизнь Сурского монастыря немногим отличалась от иных женских обителей. Хотелось бы остановиться на тех моментах, которые связаны с о. Иоанном. Остались записи (советы, руководства), которые он дал по вопросам общежития и проведения богослужений. Устав Сурского монастыря записан таким образом, что мы имеем возможность не только узнать, как велись службы в обители, но и как это советовал делать о. Иоанн. Литургия в праздники и воскресные дни начиналась в 9 часов утра, всенощная — в 6 часов вечера, в будни литургию служили в половине восьмого, полунощницу (без священника) — в 5 часов. Очевидно, в ответ

¹⁸ Есеева О. В. (2007). *Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья*. Архангельск: Поморский университет, 230-231.

¹⁹ Федотов, Г. П. (2003). *Святые Древней Руси*. М., 195.

²⁰ Белякова, Е. В., Белякова, Н. А., Емченко, Е. Б. (2011). *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле, 301.

Рис. 2. Сурский монастырь. Справа Успенский храм (священ в 1915 г.), слева храм во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (освящен в 1900 г.). Рядом деревянный братский корпус (ныне не существуют), виден каменный корпус.

на сделанное о. Иоанном замечание, что начинаться литургия должна в 7 часов, причину столь позднего (для монастыря) ее совершения объясняли тем, “что в сельском храме она совершается в 8 ч.” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 134. Л. 1].

Поскольку Сурский монастырь был общежительным, инокини имели одинаковую одежду и общую трапезу. Уставом предусматривалось, что и жить они должны были по 2–3 в кельях, причем младшая обязательно с более опытной старшей сестрой.

Замечания о. Иоанна касались и богослужений. На всенощной исполнялся без пропуска весь 103-й псалом с канонархом и первая кафизма “Блажен муж” (по уставу Веркольского монастыря). Тут же, в самом тексте устава Сурской обители, было отмечено, что устав Веркольского мужского монастыря не может быть образцом для Сурского женского. Тот же 103-й псалом в женских монастырях не пелся с канонархом. Поэтому о. Иоанн решил отменить канонаршее исполнение 103-го псалма и распорядился впредь исполнять его по общепринятому обычаю, как и первую кафизму: три первых псалма следовало пропевать по стихам, а два последних — прочитывать. Никаких замечаний не последовало от о. Иоанна по поводу исполнения “Господи воззвах”, акафист в обители священник читал сам, но в документе указано, что следовало бы предоставить это сестрам. В пометках пояснено, что после вечерни нужно было читать правило только для самих насельниц монастыря. А чтение акафиста священником о. Иоанн считал неуместным.

Особо оговаривались взаимоотношения сестер с мирянами. В праздничные дни в 2 часа пополудни ударом в колокол суряне (крестьяне) собирались в читальню на духовные беседы и чтения, ставшие новым явле-

нием в религиозно-культурной жизни села. По настоянию священника монахини на протяжении многих лет помогали ему в читальне. Но сестры прямо из читальни шли в церковь на вечерню, не отдохнув. О. Иоанн отметил, что сестрам неприлично присутствовать там, где собираются крестьяне разного пола и возраста, порой в пьяном виде. Подобные беседы в других монастырях священники вели без помощи сестер. Тут же было приписано, что священник, “не имеющий и понятия о монастырских уставах и тем более о монашеской жизни”, не должен устанавливать в обители своих правил, его обязанности — совершать богослужения, и ему нельзя становиться посредником между сестрами и настоятельницами. Священнику даже подсказывалась форма ответа-отказа на возможные просьбы сестер о вмешательстве: “Я между вами не посредник, у вас есть начальство свое” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 134. Л. 5].

В уставе есть записи о том, как следует поступать настоятельнице в случае отказа сестрами выполнять ее распоряжения: “Случается, что сестры при поручении им какого-либо дела отвечают отказом “я не хочу” или “я не могу” и т.п., когда настоятельница им отвечает, что надо повиноваться и исполнять послушание начальницы, то они отвечают, что не признают под собой начальника, кроме о. Иоанна. Из-за этого происходит великий грех непослушания и своеволия” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 134. Л. 4].

Поправки в уставе монастыря появились, скорее всего, в связи особыми взаимоотношениями, которые возникли у сестер с о. Георгием Маккавеевым, первым монастырским священником. В июле 1892 г. он становится дьяконом в Сурском приходе, год спустя — законоучителем в церковно-приходской школе. Курирует строительные работы в общине. По протекции о. Иоанна Георгий Маккавеев, рукоположенный летом 1900 г. в священника, стал служить в храме святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова Сурского монастыря. Он оставался монастырским священником до 1911 г., его имя упоминается в связи с конфликтом, возникшим между сестрами и игум. Варварой [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 5].

Итак, что произошло в Суре, каковы причины конфликта и какую роль суждено было сыграть в нем монастырским священникам?

Первой настоятельницей Сурской обители стала игум. Варвара (Надежда Яковлевна Ивановская) из Леушинского монастыря, опытная в иноческой жизни (она оказалась в обители еще подростком). 9 сентября 1902 г. она была уволена от должности. Обстоятельства увольнения игум. Варвары во внутренней документации монастыря полностью не раскрыты, но сохранились письма сестер и переписка о. Иоанна и игум. Таисии, позволяющие всесторонне проанализировать конфликт. В письмах сестер о. Иоанну сквозит обида на настоятельницу. Так, жаловалась на игуменью послушница Ксения Пюхтицкая; из ее письма следует, что недовольство Варварой разделяют многие [РГИА. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 2. Л. 346-355]. Сестры писали о суровых бытовых условиях, холоде в кельях, о “жестокости” настоятельницы о том, что она изнуряет их тяжелой работой, особенно на заводе, пилораме, а одеты они плохо и босы. При этом

запасы в обители есть, сама игуменья и ее приближенные себе ни в чем не отказывают. Назывались и их имена: мать Мария Леушинская и регентша мать Евдокия [РГИА. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Но хотелось бы привести и другую точку зрения именно на отношение сурских насельниц и монахинь, прибывших из Леушинского монастыря. Это письмо о. Иоанна игум. Таисии от 29 апреля 1902 г. “Дорогая Матушка Таисия! Прошу тебя, не вызывай из моего Сурского монастыря твоих монахинь Анастасию и Марию; они там очень нужны; а напиши им, чтобы там оставались и продолжали свое дело и что я сам прошу их остаться... Молодые, новоначальные послушницы сурские очень довольны ими и очень желают иметь их в обители, чтобы руководствоваться их указаниями”²¹. С большой долей вероятности речь идет об одной и той же монахине — матери Марии, о которой и у о. Иоанна и, видимо, у игум. Таисии было только положительное мнение. Именно леушинских сестер они считали способными помочь настоятельнице и передать молодым насельницам опыт иноческой жизни. И, тем не менее, многие факты, которые описывают сурские сестры, могли иметь место.

Определённую роль в конфликте сыграл, вольно или невольно, о. Георгий Маккавеев. Именно в его доме останавливался о. Иоанн во время приездов в Суру. Особое доверие и симпатии о. Иоанна и то, что о. Георгий прошел с насельницами весь путь, начиная с основания общины, его личные качества, такие как, мастеровитость — столярничал, сапожничал, знал крестьянскую работу и новое для того времени дело — фотографию (в его доме даже была оборудована фотолаборатория) позволили молодому священнику сыскать расположение насельниц Сурской обители. Возможно, обличенный доверием о. Иоанна, он активно вмешивался в жизнь сестер. Важно учитывать один момент: в письмах самих сестёр неоднократно упоминалось о предосудительных взаимоотношениях молодого священника и насельниц. Из писем мы знаем о плотской (как они сами признавались) любви к о. Георгию, о том, что он посещал их в кельях, принося гостинцы и вино. Именно ради него сестры прихорашивались, прибегая к румянам. Возможно, конфликт вызван и ревностью к настоятельнице Варваре, которую они обвиняли в ночных посиделках с о. Георгием [РГИА. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 2. Л. 26-27 об.]. Настоятельница же запретила насельницам подходить к о. Георгию за благословением. Объективные причины, как мы вид, имели место. О. Георгий, если верить письмам сестер, перешел границы уставных отношений. При этом сестры, видя в нем “утешителя”, еще и намеренно противопоставляли его настоятельнице, сталкивая духовника и игуменью. Этот запрет мог быть вызван скандалом: батюшка, слышавший еще и врачевателем, осматривал сестёр. Указом еп. Михея врачебную практику ему следовало прекратить. Однако, монастырским священником он оставался до 1911 г. В 1911 г. уже при настоятельстве игум. Порфирии, о. Георгия после расследования перевели в другой приход [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 5].

²¹ Кронштадтский (Сергиев) Иоанн. Письма разных лет. 1902–1908. Том II https://azbyka.ru/otechnik/loann_Kronshadtский/pisma-raznyh-let-1902-1908-tom-2/#0_28.

Еще одним поводом для взаимных недовольств было стремление сестер молиться в избе, где родился о. Иоанн, его портреты были среди икон. Это и другие действия сестер позволяет предположить, что в обители были *иоаннитки*. Решение настоятельницы запретить службы в избе, где родился о. Иоанн, вызывало недовольство части сестер.

Конфликт приобрел форму протеста, которая была характерна для бунтующей, революционно настроенной России начала XX в. Протест, вызванный проблемой неразрешенных социальных противоречий, разразился и за монастырскими стенами.

Как пыталась игум. Варвара решить конфликт, от кого получала советы и помощь, мы видим из ее писем о. Иоанну и игум. Таисии, в которых она, в свою очередь, жаловалась на сестер. В одном из посланий игум. Таисии упоминала о неподобающем поведении сестер не только по отношению к ней, но и епископу, когда они и ему кричали, что не признают другого начальства, кроме о. Иоанна. То, что увещания и наставления от игум. Таисии Варвара получала, как и отношение к конфликту о. Иоанна, отражены в переписке. Письмо от 7 августа 1902 г. «Напиши Сурской игумении Варваре, чтобы она более старалась держать в новой моей обители общие монастырские порядки, в основании которых, как и во всем, должна быть любовь. Ты ей духовная мать, напиши ей вразумительнее, — увещай ее»²².

Но даже поддержка о. Иоанна и наставничество игум. Таисии не позволили настоятельнице Варваре решить конфликт с сестрами. Варвара от должности была уволена, а о. Иоанн пояснил принятое им решение игум. Таисии в письме от 26 августа 1902 г.: «Благодарю тебя вседушевно за письмо твое ко мне и к Сурской игумении Варваре. Это последнее письмо полно великого разума духовного и сердечной любви, но вместе и горькой правды и скорбного материнского сожаления о ее недостатках. Ты этим письмом возлияла как бы целительный бальзам на раны моего сердца. Но дело об увольнении ее от управления я решил окончательно. В Св. Синод и к Архангельскому архиерею я писал об этом»²³.

Настоятельницей назначили казначею монастыря монахиню Порфирию (Екатерину Алексеевну Глинко), переведенную из Староладожского Успенского монастыря Санкт-Петербургской епархии. Она руководила Сурской обителью в течение пятнадцати лет. Но и при новой настоятельнице волнения в обители не прекратились. Подробности этого дела были опубликованы в местной газете и вызвали скандал.

Вновь противостояние настоятельницы и части сестер вылилось в конфликт, открытое противоборство. Было все: взаимные обиды и жалобы, вмешательство архиепископа, следствие.

В 1910 г. скандал вышел за пределы обители. Игум. Порфирия обратилась с просьбой выслать из монастыря послушниц Антонину Пискунову и Евдокию Коростелеву. Сама она обвинялась в несправедливости, фаворитизме, вспыльчивости; позже появились слухи о растратах. 26 января

²² Там же.

²³ Там же.

1912 г. еп. Михей освободил игум. Порфирию от занимаемой должности “ввиду усиленной просьбы, по болезни” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 17.]. Это давало возможность и настоятельнице, и архиерею выйти из ситуации, “сохранив лицо”. А не позднее октября 1912 г. Порфирия вновь была утверждена в должности.

Анализируя новый этап конфликта в обители, необходимо обозначить роль, которую сыграл в нем священник Павел Богданович. 15 сентября 1911 г. приказом его преосвященства № 2596 заштатный протоиерей Богданович был назначен “сверхштатным священником на правах настоятеля в Сурский женский монастырь без казенного содержания” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 72. Л. 79]. Штатному священнику монастырского храма о. И. Васильеву было предложено “относиться к о. протоиерею как к своему наставнику” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 72. Л. 79]. Так постановлением консистории с 19 сентября 1911 г. Павел Богданович становится хозяином положения в Сурском монастыре, будучи духовником сестер и совмещая настоятельство с наставничеством над о. И. Васильевым. Сестры, подстрекаемые протоиереем Павлом Богдановичем, пытались не допустить нового вступления Порфирии в права настоятельницы [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 72. Л. 123 об.].

Решение о многолетнем конфликте в Сурском монастыре было принято в декабре 1912 г., когда в Архангельской духовной консистории вновь слушали дело о беспорядках в Сурском монастыре. Главным подстрекателем к бунту был признан Павел Богданович. Недопустимым было признано облечение его несвойственными для священника, подвизающегося в женском монастыре, полномочиями, которыми он злоупотребил. Сам Богданович, как было указано, никогда не питал добрых чувств к настоятельнице и приложил все усилия, чтобы внести раздор в отношения настоятельницы с инокинями.

Легкость, с которой сестры пошли на поводу у Павла Богдановича, объяснялась, по мнению консистории, молодостью, неопытностью сестер и послушниц, собранных из разных мест. Ошибкой настоятельницы стало то, что в монастыре было мало сестер, имевших опыт иноческой жизни. С удалением игуменьи из монастыря Павел Богданович поддерживал враждебное отношение сестер к ней, “не стесняясь, по-видимому для этой цели как частными разговорами, так и церковной кафедрой” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 72. Л. 123 об.].

Было принято решение относительно наиболее активных участниц конфликта — часть послушниц следовало направить в другие монастыри. Послушница Наталья Петряшева выбыла из монастыря в неизвестном направлении еще до приезда настоятельницы, после чего ее официально исключили из числа сестер Сурского женского монастыря, “возвратив в первобытное состояние” и отослав документы на родину [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 105]. Монахиня Серафима была уволена с должности благочинной, а ее место заняла монахиня Агния [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 10 106]. Послушнице Елизавете Полинс надлежало направиться в Шенкурский монастырь. Казначеей обители стала Елена Целухова [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 10 107]. Было отмечено, что послуш-

Рис. 3. Храм во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Рядом деревянный братский корпус (ныне не существует) и каменный корпус.

ницы Стемиловская и Шейдина позволили себе оскорбить власть, но каким образом — не указывалось. Обе были уволены из числа послушниц с правом поступления в другие монастыри Архангельской епархии, “в какие примут”. Коростелевой надлежало направиться в Холмогорский, Разживиной в Шенкурский монастырь с назначением их на черные работы. Евсевию Асмолову, Дарью Микулич, Марию Ершову переводили в Ущельский монастырь. Право решать судьбу белиц предоставили настоятельнице.

В 1913 г. в консистории рассматривалась переписка по прошениям бывших послушниц Сурского монастыря, желавших вернуться в свою обитель: Евдокии Коростелевой, удаленной в Холмогорский монастырь, и сестер, переведенных в Ущельский монастырь. Консистория приняла во внимание рапорт настоятельницы Ущельского монастыря игум. Магдалины, характеризовавший их как неспособных к монашеской жизни. Однако, учитывая согласие игум. Порфирии на возвращение Марии Ершовой, Дарьи Микулич, Евсевии Асмоловой, Евдокии Коростелевой в Сурский монастырь, консистория решила их просьбу положительно. Однако было поставлено жесткое условие: взять с них подписку о согласии полностью подчиниться игуменье и уставу монастыря. В случае неподчинения им грозило увольнение из обители.

Игум. Порфирии строго указали на допущенные ею ошибки. В самое короткое время она должна была пригласить из других обителей опытных сестер для руководства молодыми. Ей предписывалось ни в коем случае не принимать в монастырь кого-либо без рекомендаций от духовного отца, членов причта или настоятельницы того монастыря, где инокия или послушница раньше пребывала. Игуменье не рекомендовалось

принимать тех, кто из-за неуживчивости переходил из одного монастыря в другой. Настоятельнице указали на необходимость в первую очередь заботиться о духовно-нравственном просвещении и монашеском воспитании новых инокинь и послушниц. Надлежало следить, чтобы все свободное время они проводили за чтением книг религиозного содержания и рукоделием.

Часть замечаний касалась взаимоотношений сестер и сельчан. Рекомендовалось препятствовать общению насельниц монастыря с мирянами. Обитель должна была быть закрытой во все время, кроме богослужений. Отлучаться из монастыря сестрам позволялось только по благовидной причине; если срок увольнительной был “более или менее продолжительный” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 24] (сколько — в рекомендациях не оговаривалось), предписывалось выдавать им на руки паспорта и отбирать монашескую одежду. В мирские дома насельниц обители надлежало отпускать только вместе со старшей сестрой и благочинной.

Самым важным напутствием настоятельнице стало увещание, что “начальствование ее должно быть материнское и духовное, имеющее целью не один видимый порядок, но душевное несение вверенных ей” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76. Л. 124 об.]. Благочинному монастырей вменили в обязанность бывать в Сурском монастыре как можно чаще. Высший же надзор за монастырем оставался за преосвященным викарием. После этого если противоречия в обители и имели место, то никогда не приходили в открытое неповиновение и бунт.

О. Иоанн поставил перед Сурским монастырем задачу — быть училищем труда и благочестия. “И вот видя, как трудно устоять против вражеских наветов и мирских соблазнов, решил устроить обитель, где бы насельницы, удалившись от мира... совершали, Господу поспешествующа, свое душевное спасение” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4. Л. 54 об.]. Далеко не всем насельницам Сурского монастыря удалось устоять перед соблазнами.

Конфликт между сестрами и первой сурской настоятельницей игум. Варварой не закончился с ее отставкой. Его продолжение уже при игум. Порфирии позволяет сформулировать причины, которые невозможно свести только к личным качествам настоятельниц, хотя безусловно, обе они давали достаточно поводов для недовольства как сестёр, так и епархиального начальства.

Немаловажной причиной была молодость сестер, их неопытность в иноческой жизни. Однако нужно упомянуть, что постриг сестер в монастыре игуменьи (особенно Порфирия) откладывали, даже в 1912 г. еще непостриженными оставались насельницы, прибывшие в Суру в первые годы после основания обители. Этому может быть и юридическое обоснование — запрет постригать молодых женщин, многим сурским насельницам еще не было сорока лет. С одной стороны, настоятельницы могли видеть в них недостаток смирения, с другой — это давало повод для недовольств. Среди объективных причин — экзальтированность некоторых насельниц, вероятно, среди сестер были иоаннитки.

Роль священников не просто в конфликте, бунте, а во взаимоотношениях сестёр и настоятельниц была самой неблагоприятной. О. Георгий,

соратник о. Иоанна в строительстве обители, перешел границы допустимых отношений с насельницами. О. Павел вступил в открытое противостояние с настоятельницей, еще более смущая сестёр и подстрекая их к неповиновению.

Но причина может быть глубже. В Сурский монастырь многие насельницы прибыли, руководствуясь не только (и не столько) желанием уйти от мира, сколько быть ближе к о. Иоанну. Сестры были готовы исполнять его лишь волю, только в нем видеть авторитет. Позже это позволило им нивелировать роль настоятельницы в пользу невероятных для обители полномочий белого священника (Богдановича), что особенно явно было на втором этапе конфликта.

Позиция о. Иоанна однозначна: сёстрами и монастырем управляет настоятельница. Но его смерть лишь усугубила те противоречия, которые зародились, возможно, еще до основания монастыря, когда несколько десятков женщин ушли от мира, переехали в далекую Суру — на родину почитаемого ими праведника, так и не постигнув сути монашества, не понимая или не принимая уклада иноческой жизни.

Не только внутренняя жизнь в обители вызывала нарекания епархиального начальства, но и ведение хозяйства монастыря. В частности, упоминается о произволе настоятельницы, послужившем поводом к возникновению слухов о казнокрадстве Порфирии. Кроме того, игуменя обвинялась епископом в попытках представить свои решения как одобренные о. Иоанном: “надлежащего порядка в монастыре, как во внешнем строе, так и во внутренней жизни нет. Хозяйственная часть в монастыре идет самопроизвольно, по личному усмотрению настоятельницы монастыря, следуемого точного отчета в производимых расходах никогда не предоставлялось, а все это делалось и производилось частным образом, как будто с разрешения основателя монастыря” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.]

Влияние на сестер оказали и ссыльные, проживавшие в Суре. Революционные настроения легли на почву социальных проблем, сформулированных сестрами в жалобах на фаворитизм настоятельниц и слишком явный контраст жизни и быта простых насельниц. С большой долей вероятности именно нежелательными контактами с ними были вызваны требования прекратить взаимоотношения с мирянами или жестко их контролировать.

Конфликты можно отчасти объяснить не только юностью сестер, но и тем, что только что созданная обитель переживала самый сложный для любого социального института этап становления. Духовные традиции складываются веками, у Сурского монастыря не было этого времени. Как и не было возможности жить уединенно, без мирских соблазнов.

Социальное служение монастыря

Монастырь, расположенный в самом селе, не мог совершенно избежать контактов с мирянами. Большинство из них обусловлены широкой благотворительной деятельностью Сурского монастыря. Много сил сестры отдавали заботе о девочках-сиротах и тех, кто оказался в обители по разным причинам. В документах в качестве послушниц в 1901-1902 гг. ука-

заны девочки, самой младшей из которых было 7 лет. Помогали сестры и в церковно-приходской школе. Как уже было сказано, после основания обители женское отделение школы было преобразовано в самостоятельную школу для девочек. Из всех возможных источников содержания у Сурской школы было два: помощь попечителя и благотворительность монастыря. Наблюдатели постоянно отмечали в отчетах: “Школа ни в чем не нуждается” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 123. Л. 4]. Конечно, подобное положение вещей было далеко не во всех школах.

Для учениц был разработан “Порядок ежедневной жизни и благоденствия”. Он был подобен распорядку, принятому в пансионах учебных заведений и вполне соответствовал всем требованиям. Он в качестве примера был опубликован в номере 4 “Архангельских епархиальных ведомостей” в 1901 г. Высокий уровень преподавания всегда отличал Сурскую церковно-приходскую школу. В немалой степени это повлияло на общую грамотность сельчан, сформовало у выпускников как женской, так и мужской школы особое отношение к труду, привитое еще в детстве. Сравнив учебный план Сурской школы на 1901/02 учебный год с расписанием, составленным Архангельским епархиальным училищным советом, отметим, что из всех предметов религиозного содержания в Сурской школе больше уделяли времени лишь чтению церковнославянских текстов. Преподавание в Сурской школе было с уклоном в сторону светских предметов более, нежели предусматривалось Архангельским епархиальным училищным советом²⁴. Ни о. Иоанн, ни монастырь, в ведении которого находилась женская церковно-приходская школа, не стремились воспитать будущих послушниц. Стояла другая задача — дать селу образованных женщин и матерей, которые и своим детям дадут надлежащее образование и православное воспитание. Школа по праву гордилась хором учениц, прекрасно было поставлено и трудовое обучение. Уроки рукоделия вела одна из насельниц, закончившая рукодельную школу. Девочки по окончании школы не только овладевали женскими рукоделиями, но и успевали подготовить себе приданое.

Обитель оказывала материальную помощь крестьянам, работавшим в хозяйстве. Она не носила постоянного характера, скорее можно говорить о поддержке в неурожайные годы. Систематической была помощь семьям фронтовиков. Таким образом, обитель взяла на себя частично ту заботу о сельчанах, которую всегда оказывал о. Иоанн, приезжая летом в Суру.

В монастырском храме был организован сбор пожертвований. Собирали в пользу слепых, Архангельского попечительства о бедных духовного звания, иерусалимской церкви святого Гроба Господня, нуждающихся славян, на сооружение новых храмов и содержание беднейших церквей в России, восстановление православия на Кавказе, сооружение и содержание православных церквей в Иерусалиме, на распространение православия между язычниками империи.

²⁴ Подробнее: Есеева О. В. (2009). *Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья*. Архангельск: Поморский университет, с. 255.

Самые крупные пожертвования были собраны в пользу солдат, пострадавших на войне, и членов их семей, на увековечивание памяти погибших воинов. В Первую мировую войну собирались пожертвования в пользу общества Красного Креста “на больных и раненых воинов”, Комитета великой княгини Татьяны и Романовского комитета [ГААО, Ф. 310. О. 1. Д. 52, Д. 72, Д. 66, Д. 76, Д. 78, Д. 100, Д. 104].

Сама обитель перечисляла деньги многим благотворительным обществам и комитетам. Эта деятельность была особенно актуальной в годы Первой мировой войны. На помощь монастыря можно было рассчитывать и в тех случаях, когда требовались не только щедрость и патриотизм, но и широта взглядов. Так, Сурский монастырь, откликнулся на воззвание поддержать строительство воздушного флота “Комитета по усилению военного флота на создание воздушного флота” [ГААО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 66. Л. 41]. В годы Первой мировой войны насельницы Сурского монастыря служили сестрами милосердия в епархиальном госпитале. На подворье в Архангельске организовали пошив белья.

После революции многие из сестер работали в приюте и лечебнице. Лишенные возможности служить Богу в стенах монастыря, они всецело отдали себя заботам о детях и больных, найдя призвание в служении страждущим. Сурский монастырь разделил судьбу большинства обителей и был закрыт в январе 1921 г., на тот момент в нем все еще числилось по спискам сто тридцать пять насельниц.

Заключение

Анализ обстоятельств основания Сурского монастыря позволяет назвать причиной его появления сложную религиозную ситуацию, сложившуюся в связи с укоренившимися на родине о. Иоанна расколом, языческими пережитками и суевериями, вызывавшую у него беспокойство.

Исключительной особенностью Сурского монастыря является то, что он всецело обязан своим появлением и расцветом о. Иоанну Кронштадтскому. Огромные пожертвования были частично потрачены на создание промышленных предприятий монастыря. Со временем их доход заменил щедрые вклады о. Иоанна. Располагая не только крупным капиталом, но и недвижимостью, монастырь активно включился в экономическую жизнь края. Обитель выполнила поставленную о. Иоанном задачу стать училищем трудолюбия. Но обширное многоотраслевое хозяйство вынуждало сестер прибегать и к наемному труду. Сурский монастырь после кончины о. Иоанна, в период своего расцвета, в меньшей степени, чем многие другие обители, зависел от щедрости благотворителей и сельского хозяйства.

Анализ внутреннего уклада монастырской жизни позволил сделать вывод о причине конфликта, возникшего между настоятельницами и частью сестер. Он обусловлен обстоятельствами основания монастыря, юным возрастом и неопытностью в иноческой жизни насельниц, ролью священнослужителей и рядом других причин.

Влияние обители на жизнь Пинежья и всего Архангельского Севера было комплексным и многоаспектным. В дни приезда на родину о. Иоанна в монастырь стекались именитые паломники и простые почитатели. Зна-

чительный вклад внесла обитель в образование и просвещение местных жителей, особенно женщин. Сурскому монастырю с первого дня его существования было передано женское отделение церковно-приходской школы, одной из лучших в епархии. Социальное служение монастыря можно считать наиболее плодотворной стороной взаимоотношений монастыря и мира. Несмотря на сформировавшуюся систему государственной помощи и расцвет во второй половине XIX — начале XX в. общественного призрения, благотворительная деятельность Сурского монастыря, расположенного далеко от уездного города и губернского центра, не потеряла своей актуальности, прежде всего, для местных жителей и в годы Первой мировой войны.

Источники

Журналы заседания Священного Синода от 4 октября 2012 года/ Официальные документы / Патриархия.ru <http://www.patriarchia.ru/db/text/2507811.html>

РГИА. Ф. 2219. Оп. 1, Д. 2.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 12.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 24.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 39.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 66.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 72.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 76.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 78.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 100.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 104.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 123.

ГАО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 134.

Литература

1. Белякова, Е. В., Белякова, Н. А. и Емченко, Е. Б. (2011). *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле, с. 704.
2. Есеева О. В. (2007). *Православный монастырь в религиозно-культурном пространстве Пинежья*. Архангельск: Поморский университет, с. 255.
3. Ефременко, Л. (1920) "Иоананитки". Или, что тоже — контрреволюция. *Известия Архангельского губернского Ревкома и Архгубкома Р. К. П.*, (112 (11 июля), 2; (113 (13 июля), 2; (116 (16 июля), 2.
4. Зырянов, П. Н. (1999). *Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX вв.* М.: ООО "ТИД "Русское слово — РС", с. 312.
5. Кулаков, А. П. (1915). Торжество освящения нового храма в Сурском Иоанно-Богословском монастыре Пинежского уезда, в память 300-летнего юбилея Царствования Дома Романовых. *Архангельские епархиальные ведомости*, (17), 314-318.
6. Освящение церкви Сурского подворья в г. Архангельске (1907). *Архангельские епархиальные ведомости*, (20), 685-699.
7. Основание Иоанно-Богословской общины в с. Суре (1900). *Архангельские епархиальные ведомости*, (6), 153.
8. Сурское подворье (ныне Иоанновский монастырь в Петербурге (1903). *Архангельские епархиальные ведомости*, (3), 96-98.
9. *Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 год (1915)*. Архангельск, 50-51.
10. Федотов, Г. П. (2003). *Святые Древней Руси*. М., с. 703.

References

1. Belyakova, E. V., Belyakova, N. A. and Emchenko, E. B. (2011). *A Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice*. Moscow: Kuchkovo field, p. 704. (In Russ.)
2. Eseeva, O. V. (2007). *An Orthodox monastery in the religious and cultural space of Pinezhye*. Arkhangelsk: Pomeranian University, p. 255. (In Russ.)
3. Efremenko, L. (1920) "Ioaninitki". Or, which is also a counter-revolution. *Izvestia of the Arkhangelsk Provincial Revkom and the Archgubkom of the R.K.P.*, (112 (July 11), 2; (113 (July 13), 2; (116 (July 16), 2. (In Russ.)
4. Zyryanov, P. N. (1999). *Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX centuries*. Moscow: OOO "TID "Russian Word — RS", p. 312. (In Russ.)
5. Kulakov, A. P. (1915). The celebration of the consecration of the new church in the Sursky St. John the Theologian Monastery of the Pinezhsky district, in memory of the 300th anniversary of the Reign of the House of Romanov. *Arkhangelsk Diocesan Gazette*, (17), 314-318. (In Russ.)
6. Consecration of the church of the Sursky metochion in Arkhangelsk (1907). *Arkhangelsk Diocesan Gazette*, (20), 685-699. (In Russ.)
7. Foundation of the St. John the Theologian Community in the village of Sur (1900). *Arkhangelsk Diocesan Gazette*, (6), 153-154. (In Russ.)
8. Surskoye farmstead (now St. John's Monastery in St. Petersburg (1903). *Arkhangelsk Diocesan Gazette*, (3), 96-98. (In Russ.)
9. *Memorial book of the Arkhangelsk province for 1915* (1915). Arkhangelsk, 50-51. (In Russ.)
10. Fedotov, G. P. (2003). *Saints of Ancient Russia*. M., p. 703. (In Russ.)